

Дорогой, уважаемый Андрей Борисович! Примите сердечное поздравление с 60-летием! Оптимизма, любви, тепла и уюта, душевной непринуждённости, новых нам радостных встреч друг с другом, творческих удач, целеустремлённости и крепости духа!

Андрей Борисович Ребров – родился в 1961 году в Ленинграде. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычёва). Пребывание в святых местах русских – на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях – оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь СП России, действительный член ИППО. Лауреат всероссийских литературных премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и государственные награды. Главный редактор журнала «Родная Ладога». Живёт в Санкт-Петербурге.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ПУСТЫНЬ

1930-е годы

С землёй сравнивали атеисты
Высокий храм монастыря.
Седой монах челом землистым
Припал к осколку алтаря.

Но ни поднять его, ни кинуть
Злодеи в старца не смогли,
Как будто камень тот руинный
Был тяжелее всей Земли.

* * *

Скрылись доли в густеющем мраке,
Стал стеной на пути тёмный лес.
Но созвездий заветные знаки
Засветились на свитке небес.

И светло из-под глади ледовой
Засквозили зеницы озёр,
Словно знаками звёздного слова
Их глубинный исполнился взор.

Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков,
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звёздно брезжались дали веков.

* * *

Застив маковками звёзды,
Липы в парке зацвели.
И казался липким воздух, –
Аж от выси до земли, –

Словно им, как сущим клеєм,
С дней Творения до нас,
Та цветущая аллея
С высью звёздной скреплена.

Видно, нам со дня рожденья,
Будто давний сон цветной,
Помнить райское цветенье
До могилы суждено.

ЛЮБОВЬ

Выйди ночью за порог
Со свечой в руке –
И увидишь огонёк
В дальнем далеке.

Это я, храня свечу
От семи ветров,
Твоему огню шепчу:
«Выведи под кров».

* * *

Хоть ран моих срослись края
И нет рубцов на коже,—
Вся в синяках душа моя,
Синей небес погожих.

Знать, и прадедовы глаза
Синели с той же силой,
Когда вздымал под небеса
Он врага на вилах.

И не от тех ли встречных лиц,
В блокадной мгле синевших,
Из отчих теплился зениц
Заветный свет нездешний?

И полыхает синевой
Сыновний взор бесстрашный...
Небесный огонь Руси Святой —
В очах и душах наших.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Купают ветви в невосковой пене
Златые купы ивняка.
И вверх по каменным ступеням
Шагает медленно река.

И вихрь бесплотными руками
Срывает с ветхих ив листву
И золотыми облаками
Стремит куда-то за Неву.

И я под ивой сиротливой
Стою, утраты не таю,—
Как будто времени порывы
Уносят молодость мою...

Минует вечер, сникнет ветер,
Спадёт вода... Взрастут года.
И может быть, когда-то в детях
Моих, нахлынувших сюда,
Неувядаемые эти
Дни возвратятся навсегда.

* * *

Клокочет море в камышах
За каменной губою,
И кровь шумит в моих ушах,
Как вечный гул прибора.

Но слышу, время, как в тебе
Суставы жизни — при ходьбе —
Скрипят от юрской соли,
И на прокушенной губе
Я ощущаю вкус скорбей
И первородной боли.
Знать, просолила наши дни
Навечно боль людская.
Не оттого ль вода морская
Крови клокочущей сродни?

НА СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА

Замер пульс часов, и вязко
Время в теле кабинета.
Блекнет кисточка без краски,
Как цветок, лишённый цвета.
Запустил мольберт, и плотно-
Плотно скатаны полотна...
Лишь в оконной раме белой:
Ночь и небо — без придела,
Светотоки звёздных лет —
Свежий Вечности портрет,
Где мазком, что схож с кометой,
На пути в Бессмертье где-то,
Замерцала, чуть дрожа,
Чья-то светлая душа.

* * *

Взбранила поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое —
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечное
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговой —
Как прежде — вражий полки.

И говор чуждый то и дело
Сечёт,
тёчет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь,
сплочённые молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

НЕБОВОДЬЕ

Цветёт небесный луг безбрежный
Над затонувшей грядой,
Где под высокою водой,
Как в первозданной зыби той,
Лучится солнечный подснежник
Сверхновой зыбкою звездой,
Как будто явленной в зените
Всего земного бытия,
И вокруг неё, как по орбите,
Течёт к началу жизнь моя.
И в этой вещи круговерти,
В нездешнем росте донных трав,
Я вижу жизнь за кромкой смерти,
Я внемлю: «...Смертью смерть поправ...»

РУССКИЙ ВОИН

Он брёл по жизненным просторам –
Как суждено: то – вверх, то – вниз...
И родовым глубинным взором
Вбирал намоленную высь.

Он умирал от крестной раны
В земле, в траншее полевой,
Но вновь из пашни фронтовой, –
С библейской силой зерновой –
Как на стерне, взрастал живой,
Знать, в небе прадеды-крестьяне
Молились с ангельским стараньем
О дольней ниве родовой.

Знать, Горней Родиной хранима,
Русь – под заоблачным крестом –
Стоит, как древний храм незримый,
На всхожем поле боевом.

* * *

Засыпал стёкла рыхлый свет дневной,
И мне светлица кажется норою.
И растворяю в поле я окно, –
Где пахнет свежей пашнею сырою,
Где крот, как будто в толще временной,
Копает ход сквозь древний пласт земной.

Так я порою Вечность носом рою,
Чтоб в смертной тьме, под жизненной корою,
Найти просвет в небесный мир иной.

* * *

...Время собирать камни...
Из Екклесиаста (3;5)

Когда с высот нисходит свет землистый
И замирает праздная молва,
Я зарываюсь в книгах летописных,
Стремясь прозреть заветные слова.

Я отверзаю спудные страницы,
Как земляные древние пласты,
И всею сутью силую углубиться
До корневой глагольной высоты.

Но, словно камни – почвою тяжёлой,
Сокрыты долгим временем – глаголы.
И кажется – не хватит целой жизни,
Чтоб, даже в самом тонком слое книжном,
Весь вековой пророческий их вес
Собрать в прообраз будущих небес.

* * *

На церковных окнах – ризный снег Сочельника,
Дымом и хвоею тянет из-под рам, –
Будто бы на облаке возлетает с ельником.
С белою оградой православный храм.

Раздышу молитвою изморозь оконную, –
От простора белого – аж в глазах черно...
А в дали над речкою, над долиной звонною,
Как звезда Господняя, теплится окно...

Ёлочки завьюжены, и сторожки заперты,
Тропка запорошена – никого на ней,
Только лёгким-лёгкие светятся у паперти
Два следа от Ангельских маленьких ступней.

Но запели певчие, сотворив знамения,
И запели сиверком зимние поля, –
Будто бы со знаменным и с метельным пением
Устремилась к Вышнему русская земля.